

Мама возвращается из гостей счастливая. Улыбается и мурлычет какую-то мелодию себе под нос. Она даже не замечает, что я залезла в кедах на кровать. На маму это совсем не похоже! Обычно мне читается целая лекция о «недопустимости такого поведения». Но сейчас мама кружится перед зеркалом и, глядя на своё отражение, говорит:

— А пойдём вниз, в кофейню на первом этаже? У них там столько вкусных десертов!

Похоже, удача наконец решила, что я достойна её внимания. Надо проверить, можно ли ей доверять.

Мы спускаемся на первый этаж в стеклянном прозрачном лифте. Кофейня слева от лифта небольшая, но уютная. Останавливаемся у витрины. Я вспоминаю Маринетт и тыкаю пальцем в пирожное, похожее на волосатое гнездо.

— Давай попробуем кадаиф? — предлагаю маме.

Кажется, мама согласна на всё. Она заказывает чай, кадаиф, пахлаву и нугу. Сегодня у нас очень сладкий ужин.

— Мам, — начинаю я, когда нам приносят по второму пузатому стаканчику с чаем. — Мне скучно целый день торчать у вас в мастерской. Вы рисуете, а я просто в телефоне сижу. Можно я завтра останусь в отеле?

— Что завтра? — с улыбкой переспрашивает мама. Она так далеко в своих мыслях, что просто не слышит мой вопрос!

— Не пойду завтра в мастерскую, — повторяю я. — Останусь в отеле. Погуляю здесь по саду. Дойду до кошачьего домика. Можно?

Я боюсь пошевелиться. Если мама согласится, завтра в двенадцать я встречу с Лео!

Только бы разрешила!

— Ты хочешь остаться в отеле? — переспрашивает мама.

Да что с ней такое? Она вообще не слушает меня!

Я молча киваю.

Мама берёт белый кубик нуги, откусывает маленький кусочек и зажмуривается от тягучей сладости.

Кажется, дома у Керема мне подменили маму. Оболочка осталась, а внутри подкрутили все настройки. Мама, ау! Приём! Вернись ко мне. Скажи: «Конечно, оставайся. Без проблем!»

Мама неожиданно открывает глаза и смотрит на меня. Я захлёбываюсь чаем от неожиданности и откашливаюсь.

— Хорошо, — мама отпивает глоток чая. — Оставайся в отеле. Только за территорию отеля не уходи. Деньги на обед я тебе оставляю. И пиши мне каждый час, что делаешь.

— Угу, — киваю я. — Спасибо! Только до кошачьего домика дойду. Можно? Он же совсем рядом.

— До домика — можно, — смеётся мама.

Что за вечер? Не верю, что это возможно: вот так, легко, упросить маму оставить меня одну в отеле.

Скорее бы завтра! Скорее бы двенадцать!

Ворочаюсь в кровати. Не могу уснуть.
Лео. Какое красивое имя!

Мамин будильник опять сошёл с ума.
Звенит среди ночи.

— Ма-ам, выруби его! Чего он орёт у тебя по ночам? — возмущаюсь я.

Мама выключает будильник и удивлённо смотрит на экран телефона.

— Странно, — бормочет она. — На часах уже восемь утра. А так темно, как будто ещё ночь...

— Похоже, у тебя и часы глючат, — переворачиваюсь на другой бок и натягиваю одеяло почти до самого носа.

Мама включает ночник и смотрит на циферблат своих маленьких наручных часов, лежащих на тумбочке у кровати.

— Время правильное: восемь, — мамин голос выдаёт её растерянность.

— Почему же тогда такая темень? — выглядываю из-под одеяла и озадаченно смотрю на маму.

Мама подходит к окну и раздвигает шторы.

Только не это!

Это просто невозможно: ливень! Чёрные грозовые тучи затянули небо так, что кажется, будто на улице глубокая ночь.

Такое могло случиться только со мной: проливной дождь в день первого свидания!

Чтобы окончательно меня добить, чёрное небо рассекает электрический разряд — молния. И через секунду до нас доносятся раскаты грома. Мама вздрагивает.

Гроза в Стамбуле! Такое, наверное, бывает один раз в сто лет. Или в тысячу.

И, конечно, этот раз выпадает на тот день, когда у меня назначена встреча с Лео. Это нечестно!

Мамин телефон тревожно пиликает. Мама подходит к тумбочке, читает сообщение и морщит лоб.

— Это Зейнеп, — поясняет мама. — Написала в нашем художественном чате, что такой сильной грозы не было над Босфором уже десять лет. Сказала всем быть осторожнее и по возможности добираться до мастерской на такси, а не пешком.

Десять лет! Я почти угадала.

— Поля, — мама едва заметно хмурится. — Я не могу оставить тебя в отеле во время такой грозы. Я не смогу рисовать — буду дёргаться и с ума сходить от волнения.

— Но ты обещала! — возмущённо кричу я.

— Когда я обещала, на улице было солнце, — твёрдо отвечает мама. — У тебя завтра будет ещё целый день до

нашего отъезда, чтобы навестить своего котёнка. Собирайся!

— Нет! — кричу я и чувствую, как начинает щипать нос и в глазах появляются слёзы. — Я останусь!

— Поля, что за разговоры? — мамин голос твёрдый и колючий. Когда мама говорит таким голосом, спорить с ней бесполезно. — Мы это не обсуждаем. Котёнок до завтра никуда не денется.

Как ты не понимаешь, мама? Котёнок здесь совсем ни при чём! Ты с грозой только что украла у меня первое свидание с Лео.

Хорошо, что опять гремит гром. Мама оборачивается к окну и не видит, как я рукой вытираю слёзы.

Я думала, удача наконец мне улыбнулась.

Как же! Да она просто насмеялась надо мной. Подарила надежду. А потом растоптала её. Утопила в потоках дождя. И похоронила под раскаты грома.

На улице поливает так, что в такси я сажусь мокрой насквозь, хотя от двери отеля до двери такси мы сделали всего пару шагов.

Забираюсь на заднее сиденье и захлопываю дверь. Мама на переднем сиденье что-то говорит водителю, и машина плавно трогается с места. На улице

мрачно: темно и ливень стеной. Кажется, наступил конец света. Ну для меня, по крайней мере, точно. Конец моим мечтам. Послезавтра мы летим домой. Послезавтра я уеду из Стамбула и больше никогда не увижу Лео.

Дождь, кажется, слышит мои мысли и стучит по стёклам «ни-ко-гда, ни-ко-гда».

Такси мчится по мокрой набережной. За окном тёмное небо растворяется в тёмной воде. Чёрная гроза над Босфором и чёрная дыра у меня внутри.

